

Философская лирика

Особую группу лирических стихотворений Пушкина составляют те, в которых поэт ставит темой вопросы жизни и смерти, смены поколений, проблемы поэзии и отношения ее к действительности — такие проблемы, которые можно назвать философскими.

Пушкин был жизнерадостным человеком, оптимистом по своим философским взглядам. Поэт любил жизнь и чувствовал отвращение к смерти:

О, нет, мне жизнь не надоела,
Я жить хочу, я жизнь люблю.
Душа не вовсе охладела,
Утрата молодость свою, —

заявляет, например, он в незаконченном отрывке стихотворения. В «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье...», 1830) Пушкин выражает то же жизнелюбие:

Но не хочу, о други умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья...

В стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829) поэт проводит мысль о том, что смерть бессильна прервать существование человечества: новые поколения сменяют прежние; жизнь побеждает смерть.

Эта мысль о смене поколений, о растущей и цветущей жизни звучит и в стихотворении «Вновь я посетил...» Посетив в 1835 году Михайловское, в котором он десять лет назад жил ссылкой, Пушкин нашел там большие перемены, вызванные течением времени, тем «общим законом», которому подчиняется все живое — и человек, и природа. Нет в живых его няни, но «где некогда все было пусто, голо, теперь младая роща разрослась». И поэт обращается к молодому поколению со словами радостного привета.

Группу стихотворений, рассматривающих тему жизни и богато иллюстрирующих оптимизм Пушкина, хорошо закончить стихотворением «Вакхическая песня», хотя оно было написано еще в 1825 году. Эта песня — восторженный гимн жизни, искусству и разуму, светлая песнь в честь всепобеждающего, бессмертного, свободного ума человека, способного рассеять тьму «ложной мудрости», то есть мракобесие всяких ложных, реакционных теорий. Здесь ярко звучит утверждение поэтом счастья человека, вера в конечную победу солнца над тьмой.

По С. Флоринскому

Светлый, жизнерадостный характер поэзии Пушкина обнаруживается даже в элегиях поэта: меланхолическое настроение в них разрешается обыкновенно каким-нибудь бодрым чувством или мыслью, поэт всегда находит для себя выход из этого грустного настроения и заканчивает свою элегию светлым аккордом:

И, ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И, может быть, на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Даже мысль о непрочности и мимолетности всего земного не смущает Пушкина, и он легко примиряется с нею. «Все мгновенно, все пройдет; что пройдет, то будет мило», — говорит он в одном стихотворении. Самая мысль о смерти и о вечном «равнодушии»

природы не вызывает в нем чувства горечи, и он заканчивает свои «Стансы» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...») словом спокойного примирения с неизбежным:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Любовь к жизни никогда не переходила у Пушкина в слабодушный эгоизм, робко цепляющийся за личное существование. Он умел ценить жизнь и красоту жизни в ее объективном значении, умел радоваться жизни не только за себя, но и за других, за новые поколения, идущие на смену старому. Так, например, к ним он мысленно обращается в стихотворении «Вновь я посетил...», приветствуя «племя младое, незнакомое», выросшее вокруг его «старых знакомцев» — сосен, стоявших «на границе владений дедовских». Эта черта — способность бескорыстно радоваться за другого — характеризует природное благожелательство Пушкина в его отношении к жизни и к людям.

По В. Саводнику

Пушкин довольно рано начал тяготиться окружавшей его жизнью, ее пошлостью и пустотой; довольно скоро он осознал и свои собственные недостатки и, верный себе, выражал это душевное настроение в лирических стихотворениях. Еще в 1821 году, находясь под влиянием Байрона, свое разочарование в жизни и мрачный взгляд на будущее, Пушкин выразил в элегии: «Я пережил свои желанья...»; затем, под влиянием свежих и сильных впечатлений, разнообразных и серьезных занятий по самообразованию в селе Михайловском, это недовольство жизнью и самим собою, как бы на время, прекращается. Но с 1827 году оно пробуждается снова и с течением времени высказывается все сильнее и сильнее, что связано с тем том, что, проведя несколько лет в трудах над самообразованием, Пушкин расстался с большинством своих друзей и знакомых. Между ними и поэтом оказалась такая рознь в понятиях и взглядах, особенно на поэзию, что Пушкин почувствовал себя одиноким. Тяжело ему было видеть, что современные критики не понимают его произведений, толкуя их и вкривь и вкось; грустно было ему сознавать, что именно самые зрелые и душевные его создания и охладили общественное сочувствие к нему, будучи не поняты невежественной толпой, и в такие минуты сама жизнь казалась ему в тягость.

В элегии «Воспоминание» (1828) Пушкин сознается, что ночью в «часы томительного бденья» он чувствует тревогу и досаду за свою прошедшую жизнь:

Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток...
...И с отвращением читаю жизнь мою,
Я трепещу и проклиная...

И под влиянием такого тягостного душевного настроения, мысль о бесцельности жизни, о смерти, как о лучшем исходе из этого положения, не раз высказывается Пушкиным:

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
Н томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

«Дар напрасный, дар случайный...» (1828)

В стихотворении «Три ключа» (1827) Пушкин действительную жизнь, со всеми ее докучными волнениями, называет «мирской, печальной и безбрежной» степью. В этой-то печальной степи пробились три ключа: ключ юности, ключ поэтического вдохновения и холодный «ключ забвенья» (то есть смерти). Поэт сочувственно говорит о юности, еще

более о благодатной струе второго ключа, но все же отдает предпочтение последнему ключу, так как «он слаще всех жар сердца утолит».

В стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829) мысль о смерти является уже господствующей мыслью поэта: она всюду преследует поэта — и на шумных улицах, и в многолюдном храме, и на веселой пирушке беззаботной молодежи; она возникает в душе поэта и при взгляде на дуб — символ крепости и долголетия, и при взгляде на младенца — символ только что распускающейся жизни.

Однако, как русский человек, Пушкин не падает духом; русский человек не способен к мрачному и отчаянному унынию и, как говорит сам поэт, «в горе жить — не кручинну быть». Кроме того, Пушкин, как поэт-художник, смотрел на мир как на высочайшее художественное произведение, о чем говорят те его элегии, в которых временный разрыв с действительностью заканчивается примирением с нею, выражением светлых надежд и упований. Таков характер уже упомянутой элегии «Брожу ли я ...», «Вновь я посетил...», «19 октября», «Безумных лет угасшее веселье...», «Осень». В элегии «Брожу ли я...» тяжелая мысль о неизбежности смерти переходит в желание быть похороненным именно на родине, среди родной жизни и природы:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Грустная мысль, что Пушкин не доживет до «позднего возраста» молодых деревьев («Вновь я посетил...») смягчается надеждой поэта на то, что его «вспомынет внук», когда пройдет мимо этих деревьев и услышит их приветный шум. Особенно характерна элегия «Безумных лет угасшее веселье...» (1830). Как в элегии «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», тяжелая дума утоляется высоким чувством самоотречения, готовностью уступить свое место иной, молодой жизни, так и здесь она находит исход в мысли о целительности поэтического вдохновения и любви, того, что и составляло жизнь Пушкина. По словам одного из критиков, эта элегия представляет характеристический образец произведения, источником которого служит сердце человека, владеющего неисчерпаемыми силами; его творчество, поправляя малодушные уклонения ежедневных ощущений, в подобных произведениях восстанавливает гармоническими аккордами такое душевное состояние, при котором человек неодолим во всех случайностях жизни. По замечанию Белинского, эта элегия «замечательна в том отношении, что заключает в себе самую характеристику Пушкина, как художника»:

Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь...

«Да, — продолжает Белинский, — я свято верю, что он вполне разделял безотрадную муку отверженной любви черноокой черкешенки, или своей пленительной Татьяны, этого лучшего и любимейшего идеала его фантазии; что он, вместе со своим мрачным Гиреем, томился этою тоскою души, пресыщенной наслаждениями и все еще не ведавшей наслаждений; что он горел неистовым огнем ревности вместе с Заремой и Алеко и упивался дикою любовью Земфиры; что он скорбел и радовался за свои идеалы, что журчанье его стихов согласовалось с его рыданиями и смехом».

Кроме того, эта элегия чрезвычайно наглядно определяет сущность поэзии Пушкина вообще, сравнительно с поэзией других наших лириков — Жуковского-романтика и Лермонтова — наиболее характерного представителя русского байронизма. Жуковский тоже находит утешение в своей тоске по утраченным благам, но не в самой жизни, как Пушкин, а вне ее — в воспоминании о прошедшем, уже невозвратном и в надежде на возврат блага в загробном существовании, в таинственном свете, ничего общего не имеющем с действительной жизнью (элегии «Теон и Эсхин», «Опять ты здесь, мой благодатный гений...»). Характерная черта лирики Лермонтова — полное мрака и безотрадности уныние,

сознание отсутствия определенной цели в жизни, равнодушие к прошлому, отсутствие светлой надежды на будущее, сердечная тяжесть, неопределенные порывы куда-то вдаль (элегии Лермонтова «Парус», «Выхожу один я на дорогу...», «И скучно и грустно...»). Все это, конечно, еще более далеко от светлого в общем, жизнерадостного тона лирики Пушкина, чем романтизм Жуковского.

По Е. Воскресенскому

Жизнерадостность Пушкина, его гуманизм, глубокий оптимизм, сохранившиеся несмотря на все невзгоды, одухотворяли его объективный материалистический взгляд на жизнь и смерть. Человек жизни, Пушкин не ищет счастья на небе и, несмотря на тяжесть конкретных условий, ищет его на земле.

Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...

«Элегия» (1830)

Эта не эгоистический взгляд — жить во что бы то ни стало. Это не тревога за личное существование. Светлый ум Пушкина видел в грядущем поколении продолжателей своего дела, это окрыляло его, доставляло ему утешение.

В стихотворении «Вновь я посетил...» Пушкин приветствует грядущее поколение:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст...

Он благословляет в этом грядущем и свою жизнь. Сколько оптимизма и человечности в этом приветствии «младого, незнакомого» поколения!

Даже одно из самых грустных и печальных стихотворений Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» не звучит безнадежностью и беспросветностью. Жизнь вечна и бесконечна, грустно увядающая старость видит надежду в подрастающей молодости:

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

Прав был Белинский, когда говорил об особом характере элегий Пушкина:

«Это даже не грусть, а скорее важная дума испытанного жизнью и глубоко всмотревшегося в нее таланта. Чувство гуманности во многих пьесах... доходит до какого-то внутреннего просветления. Таковы в особенности пьесы: “Когда твои молодые лета...” и “Брожу ли я вдоль улиц шумных...”. Заключение последней превосходно; есть что-то похожее на пантеистическое миросозерцание Гете в последнем куплете: томимый близким предчувствием близкого конца, поэт говорит, что ему хотелось бы заснуть навеки в родном крае, хотя для бесчувственного тела везде равно истлевать —

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Из этого видно, что он представлял выход из диссонансов жизни и примирение с трагическими законами судьбы не в заоблачных мечтаниях, а в опирающейся на самое себя силе духа».

По М. Ледневу

Природе русского сердца свойственна грусть: «От ямщика до первого поэта мы все поем уныло. Печалию согреты песни наших муз и дев», – сказал Пушкин, и в его лире слышится грустная струна. Но грусть у русского народа трезва и бодра, не переходит в отчаяние, а утешается надеждою: «А и в горе жить — не кручинну быть».

Такова и грусть Пушкина в его элегиях. Элегии Пушкина — это туча, сквозь которую проглядывает светлый луч, это улыбка сквозь слезы.

В элегии «Вновь я посетил...» мрачная мысль Пушкина о смерти просветляется надеждой, что он будет продолжать жить в лице своего внука так же, как знакомые ему на родине три старые сосны — в молодой, разросшейся около них рощице, которую приветствует, проезжая мимо, поэт.

В элегии «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» неотвязчивая дума о близкой смерти разрешается светлым аккордом неумирающей природы.

По А. Радонежскому

Следует заметить, что душа всякого даровитого поэта отличается разнообразием. Талантливый поэт находит в себе достаточно сил, чтобы изображать различные мотивы: подчас он создает торжественные громкие песни, а то из-под его пера польются нежные, редкие звуки печали, тоски и грусти.

Пушкин отличался тем, что таил в своей душе достаточно количество струн, способных отзываться на всевозможнейшие движения человеческих чувств. «Печалью согрета, – говорит он, – гармония и наших муз и дев; от ямщика до первого поэта мы все поем уныло». Благодаря своей необыкновенной чуткости, Пушкин легко отзывался на всевозможные явления жизни. Явления, мимо которых проходили обыкновенные люди, ничего не замечая, движения страсти и порывы человеческой души, на которые прочие смертные не обращали внимания, — все это воспринималось Пушкиным и выливалось в виде чудных мелодий. Но не одни отрадные картины действовали и возбуждали фантазию Пушкина. Поэт довольно рано начал тяготиться окружающей его действительностью, ее пустотой и пошлостью. Временами Пушкиным начинает овладевать недовольство собою, и подчас он переходит к горьким упрекам самому себе. Эти грустные мотивы поэт выразил в своих элегиях.

Элегии Пушкина проникнуты тихой, спокойной грустью. Несмотря на шум и разнообразие светских удовольствий, которым предавался поэт со всей страстностью своей природы, мысль о кончине не раз овладевала им. Особенно сильно вылилась мысль о смерти в элегии «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Предчувствие скорой кончины заставляет поэта многое перечувствовать и передумать, а между тем призрак смерти преследует его повсюду: на шумной улице, в многолюдном храме и среди пирующей молодежи. Вид цветущего ребенка напоминает Пушкину, что он уже отжил свой век, и ему пора уступить место молодому поколению.

Поэт вполне уверен в своей близкой кончине, но ему хотелось бы знать подробности своей смерти: в какой день он умрет и какого рода смертью. В конце элегии поэт говорит:

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

Те же мысли о смерти мы находим и в стихотворении «Три ключа». В нем поэт сочувственно говорит о юности, еще более о благородной струе поэтического вдохновения, но окончательное предпочтение отдает холодному ключу забвения, то есть смерти: «Он слаще всех жар сердца утолит». В элегии «Монастырь на Казбеке» Пушкин вновь выражает желание покоя — смерти:

Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

Чем больше Пушкин вдумывается в мучивший его вопрос о смерти, тем сильнее укрепляется убеждение, что ему остается жить недолго. Так, в проникнутой грустью элегии «Вновь я посетил...», Пушкин обращает внимание на новые поросли. Там, где кончаются владения поэта, по дороге в Тригорское, стоят три сосны, которые всегда ласково кивают поэту своими зелеными верхушками. Сосны разрослись; вокруг двух из них выросла красивая роща, и только третья сосна угрюмо и одиноко стоит в стороне. Пушкин приветствует юные деревца с чувством глубокой скорби, и у него является мысль, что ему не суждено увидеть их пышный расцвет:

Здравствуй, племя
Молодое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего...

Несмотря, однако, на неотвязчивость мысли о смерти, нужно признать, что элегии не отличаются тяжелым, безотрадным тоном. Поэт как будто примиряется с неизбежностью смерти, и ему бы только хотелось, чтобы на его могиле и кругом играла жизнь:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Не одно предчувствие смерти наводило Пушкина на грустные мысли. Подчас его начинает мучить бесполезность утраченных лет. Поэт грустит, что недостойно провел молодость и от всей души сожалеет о лучших годах, растраченных на чувственные удовольствия. В стихотворении «Воспоминание», в противоположность шумным светским развлечениям, ночи приносили поэту не успокоение и отраду, а часы томительного бденья, когда душа его скорбела о прошедшей жизни. Так он восклицает:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, в бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы.

Причины элегического настроения Пушкина лишь отчасти надо искать в недовольстве собою за бесполезно «утраченные годы». В элегии «Безумных лет угасшее веселье...» Пушкин рассматривает не только свое прошлое, но и настоящее и будущее. В прошлом поэт видит безумные годы, которые оставили после себя тяжелые следы печали; в настоящем — один унылый путь, а в будущем — труд, печали и беспокойства. Поэт грустит, он недоволен собою. Печаль Пушкина имеет свои причины. Годы, проведенные в невольном изгнании, поэт не потерял даром. Знакомства с лучшими людьми своего века (Раевские), путешествия, усиленная работа над пополнением своего самообразования, сделали то, что поэт далеко опередил своих бывших друзей и знакомых. Получился разлад, и между ними и Пушкиным оказалась целая пропасть во взглядах и понятиях. На поэзию они смотрели по-разному. Поэт особенно сильно почувствовал свое горькое одиночество. Пушкину было больно видеть, что его произведения не поняты. Самая жизнь стала ему в тягость, и это наболевшее настроение души слышится в стихотворении «Дар напрасный, дар случайный...». В нем поэт высказывает сомнения в целесообразности человеческой жизни, раз она представляет собой сплошные муки, раз его мучат страсти, скептицизм доводит до изнеможения. Жизнь его тяготит, он не находит цели жизни, и сердце пусто. Между прочим он говорит:

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Грустные звуки слышатся во всех элегиях Пушкина, но все же он смотрит на мир как на нечто художественное, и в этом надо искать особенный характер его элегий. В них временное недовольство жизнью и разрыв с действительностью всегда оканчивается примирением. Иногда поэт серьезно задумывается над жизнью, противоречия мучат его, но чувство сладости бытия все-таки берет верх. Жизнь для него является идеалом, в котором он видит лекарство, способное восстановить равновесие души. Иногда он думает о смерти, но не желает умирать:

Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...

Пушкин не поддается унынию и отчаянию, не падает духом и ищет утешения в самой жизни. После смерти ему хотелось бы, чтобы на могиле и вокруг нее играла жизнь и равнодушная природа сияла вечной красотой...

Изливая свои душевные муки, Пушкин сливает свое личное чувство с общечеловеческим, то есть изображает состояние души так, что оно делается понятным всякому. Вместе с поэтом переживаются его тревоги, но вместе с тем не теряется надежда, что в жизни еще можно найти высшие наслаждения.

По Б. Майкову